

Рец.:

Р.-М. Альберес. Метаморфозы романа

Albères, R.-M. Métamorphoses du roman.

Paris: Éd-s Albin Michel, 1966. – 270 p.

Книга видного французского критика Р.-М. Альбереса посвящена лишь одному аспекту развития западноевропейского и американского романа в XX веке: автор задался целью проследить возникновение и развитие тех тенденций, которые привели к школе французского «нового романа» 1950-1960-х годов. Отношение Альбереса к «новому роману» сдержанное; он довольно высоко оценивает такие его образцы, как «Резинки» А. Робб-Грийе (1953) и «Употребление времен» (1956) М. Бютора, но, в целом, склонен считать его явлением искусственным, головным, результатом буквального применения принципов, провозглашенных Прустом, Джойсом, Музилом, Кафкой.

С точки зрения Альбереса, «новый роман» возник как реакция против «моральной» и «метафизической» направленности французской литературы 30-40-х годов (Жид, Мальро, Бернанос, Сартр, Камю, Сент-Экзюпери). К началу 1950-х годов возможности литературы «условий человеческого существования» были исчерпаны, и образовавшийся вакуум был заполнен «новым романом». Представители этого течения поставили своей целью ограничить искусство романа рамками романских форм, «очистить» роман от психологического и морального содержания. Эти принципы излагаются Альбересом сочувственно, или, во всяком случае, без всякого осуждения, однако, из анализа конкретного материала видно, что он отдает предпочтение не «новому роману», а его предшественникам, тем, кого он называет «классиками XX века» (Пруст, Джойс, Кафка, Музиль, Фолкнер, Лоренс Даррелл, Малколм Лоури). В их творчестве поиски новых форм не являлись самоцелью, не исключали своеобразной проблемности. В разделах, посвященных этим писателям, Альберес уделяет внимание содержательной стороне их романов (в особенности это относится к Музилю, Дарреллу и Лоури, недостаточно известным во Франции). Но в основном Альбереса интересуют формальные моменты развития модернистского романа, хотя критик не ставит себе строгих границ и часто переходит от рассмотрения композиционно-стилевых вопросов к идейно-философским проблемам.

Основной чертой, которая, по мнению Альбереса, отличает «современный» (т.е. модернистский) роман на всех этапах его развития от романа XIX века, является новый подход к действительности. Для писателей-модернистов действительность принципиально не познаваема, и литература не может дать сколько-нибудь адекватного ее отражения. Поэтому модернистский роман предлагает вниманию читателя не «однородную реальность, предварительно переваренную и осмысленную романистом» (с. 13) и даже не те ее беглые, иллюзорные обманчивые отражения, которые рождаются в сознании писателя, а самый процесс возникновения этих образов. С этой точки зрения, модернистский роман является «феноменологическим» (с. 85-90).

Основоположителем «феноменологического» романа Альберес считает М. Пруста. Прусту посвящена первая глава очерка Альбереса, названная несколько претенциозно – «Прустовское благовещение». Пруст ввел в роман тот «гибридный мир» (с. 85), который лежит между субъектом и объектом. Для этого ему пришлось порвать с традицией «объективного романа-повествования» (с. 85), утвердить новые принципы композиции («архитектуры») и стиля («видения деталей»). Рассмотрению поисков писателей-модернистов в областях «архитектуры» и «видения деталей» в романе и посвящена книга Альбереса, разделенная соответственно на две части. Это деление вряд ли следует признать удачным, ибо, в зависимости от преобладания у писателя интереса к композиционным или стилевым моментам, Альберес анализирует

его творчество в первом или втором разделах. При этом, естественно, дело не обходится без натяжек. Пруст рассматривается в первом разделе, хотя, как справедливо указывает сам автор, рассуждения Пруста о времени и временной текучести личности не были, по сути, реализованы в композиции «Поисков утраченного времени».

Вызывает возражения и вторая глава книги Альбереса, названная им «Первая прустовская пора: Жид, Хаксли, Мориак». Разбирая «Фальшивомонетчиков» (1925) Жида и «Контрапункт» (1928) Хаксли, Альберес говорит об этих писателях как о подражателях «наиболее внешних приемов» Пруста. На наш взгляд, Альберес чрезмерно преувеличивает значение опыта Пруста для создания «Фальшивомонетчиков». Жид шел собственным путем, и «Фальшивомонетки» явились логическим завершением поисков, начатых им еще в 1895 году, когда он создал первый образец «антиромана» - «Болота». И, если говорить о влияниях, то «Контрапункт» Хаксли многим обязан, в первую очередь, Жиду, а не Прусту, крайне несимпатичный портрет которого был создан Хаксли в романе «Слепой в Газе». Надо думать, что на оценку формальной стороны романов Жида и Хаксли повлияла общая «девалоризация» их творчества западной критикой, в силу его «проблемности», против которой в настоящее время столь активно выступает «новый роман». Что касается Франсуа Мориака, то попытка Альбереса найти прустовскую технику в «Клубке змей» (1932) представляется весьма неубедительной.

Более интересны главы, посвященные творчеству Музиля и Даррелла. Своеобразие проблематики и мастерства «австрийского Пруста» как называет Альберес Музиля, очерчено им верными, точными штрихами. «Александрийский квартет» (1957-1960) англичанина Лоренса Даррела рассматривается Альбересом как первая и, пожалуй, пока единственная удавшаяся попытка продолжить традиции Пруста. Правда, Альберес помещает в русло этой традиции роман «Употребление времен» (1956) Мишеля Бютора, сочувственному разбору которого он уделяет значительную часть последней главы первой части своей книги, но, как мы уже сказали, в целом он относится к «новому роману» как к экспериментальному, лабораторному, а поэтому и преходящему этапу.

Другое ответвление «нового романа» Альберес ведет от Джойса. Именно на основе опыта «Улисса» возник, с точки зрения Альбереса, такой роман, как «Резинки» (1953) Алена Робб-Грийе, имея в качестве передаточного звена «Под вулканом» (1947) англичанина Малколма Лоури. Наконец, третий источник «нового романа» Альберес усматривает в творчестве Кафки и его последователя (в области романа) Самюэля Беккетта. Романы Кафки и Беккетта разбираются в первой части очерка Альбереса. Здесь опять проявляется непоследовательность критика, ибо из его анализа видно, что новаторство Кафки и Беккетта в области формы романа состоит для него в утверждении особого рода внутреннего монолога, т. е. того художественного компонента, который он относит к «видению деталей» и рассматривает во второй части «Метаморфоз романа».

Вторая часть полна интересных наблюдений над развитием внутреннего монолога в модернистском романе (на примере Джойса, Вирджинии Вулф, Камю, Сартра). Завершается очерк Альбереса анализом внутреннего монолога в таких образцах «нового романа», как «Изменение» (1957) Бютора, «Золотые плоды» (1963) Натали Саррот, «Обед» (1959) Клода Мориака.

Книгу Альбереса можно считать популярным очерком развития модернистского романа, хотя следует добавить, что ей свойственен еще один изъян, общий для всех работ Альбереса - полное игнорирование реалистической литературы, в результате чего удельный вес модернизма в мировом литературном процессе непомерно преувеличивается.